

Протоиерей
Валентин Свенцицкий

ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ

Валентин Павлович Свенцицкий

Преподобный Серафим

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42534574

Преподобный Серафим: САТИСЪ; СПб.;

ISBN 5-7373-0072-2

Аннотация

По благословению Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II Ни в одном угоднике Божиим так не воплощается дух нашего православия, как в образе убогого Серафима, молитвенника, постника, умиленного, всегда радостного, всех утешающего, всем прощающего старца всея Руси.

Протоиерей Валентин Свенцицкий Преподобный Серафим

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление,
2006

* * *

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Храм Св. Панкратия

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Приступая к беседам о преподобном Серафиме, я испытываю чувство особого волнения...

И это не потому только так, что вновь как бы переживаешь все недавно пережитое при нашем паломничестве в Саровскую пустынь.

Да, все пережитое останется навсегда в нашей памяти. И при имени преподобного Серафима мы всегда будем ощущать особое движение души. Нам будет вспоминаться дорога в Саров, песнопения в открытом поле, Саровский лес, в котором жил преподобный, дорога, по которой ходил он, пу-

стынь, источник, камень, на котором он молился. Нам будет вспоминаться и вновь будет охватывать нас то чувство радости и умиления, которое было пережито нами.

Но причина не только в личных воспоминаниях, она лежит в самом отношении к преподобному Серафиму каждого православного русского человека.

Из всех угодников Божиих преподобный Серафим как-то особенно близок нам. Это было всегда. А последние годы достигло необычайной силы.

Почему так близок нам преподобный Серафим?

Если хочешь узнать народ, смотри на него не тогда, когда он беснуется, а тогда, когда он молится.

Образ преподобного Серафима – это есть образ святости русского народа. Он близок нам так потому, что мы в нем чувствуем лучшее, что есть в самом русском народе. Преподобный Серафим – наш национальный русский святой.

Ни в одном угоднике Божиим так не воплощается дух нашего православия, как в образе убогого Серафима, молитвенника, постника, умиленного, всегда радостного, всех утешающего, всем прощающего старца всея Руси.

Он близок нам потому, что он кровь от кровей наших и плоть от плоти нашей. Он – это мы сами, но поднятые из грязи, очищенные подвигом, просветленные благодатью Божией. Он не только близок нам, он нам родной.

Так было всегда.

Но человек ценит и с особой силой чувствует то, чего ему

не хватает. И святость преподобного Серафима стала особенно близка и необходима русскому народу в эпоху нравственного упадка. Ныне исполняются слова преподобного Серафима, сказанные им Мотовилову.

Оправдываясь, что до канонизирования для себя называет преподобного Серафима «угодником Божиим», Мотовилов говорит:

– Но о канонизировании великого старца никого не просил и не прошу, ибо сам он при жизни своей из уст в уста мои сказал и в сердце запечатлелись слова его, что «Господь не иначе воздвигает святых своих, заставляя Церковь свою канонизировать их, как только тогда, когда она в членах своих тяжело страдает каким бы то ни было нечестием.

Вот потому-то мы как бы вновь открываем мощи преподобного Серафима, как бы вновь прославляем их через 25 лет после причисления его к лику святых.

В наших беседах мы постараемся «всмотреться» в образ ныне вновь прославляемого нами угодника Божия. А в этой вступительной беседе хотелось бы сказать лишь о самом главном.

Основная черта духовного облика преподобного Серафима – его постоянное умиление, радость, веселость.

«Когда в сердце есть умиление, тогда и Бог бывает с нами»,

В сердце его всегда было умиление, потому и Бог всегда был с ним.

«Радость моя, что нам унывать. Погляди какой у нас собор-то будет, – при этом, бывало, поднимет ручки да и скажет: «Во, во, матушка, чудный собор. Вельми, матушка, чудный». И сделается при этом личико его необыкновенно светлое, благодатное, и станет он такой веселый и радостный, точно весь уйдет в небеса. Даже жутко станет глядеть на него.

С необычайной силой и ясностью это состояние благодатной радости нам открыто в одной из бесед преподобного Серафима с Мотовиловым. Вот в отрывках этот главный момент беседы.

– Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божьего. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро – суть средства для стяжания Святого Духа Божьего.

– Каким же образом, – спросил я батюшку о. Серафима, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

И когда Мотовилов не мог уразуметь ответа, преподобный Серафим взял его весьма крепко за плечи и сказал:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою, что же Вы глаза опустили, что же не смотрите на меня.

Я отвечал:

– Не могу смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лицо Ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли.

И далее преподобный Серафим спрашивал:

– Что же чувствуете Вы теперь?

– Необыкновенно хорошо.

– Да как же хорошо-то, что же именно-то?

Я отвечал:

– Такую тишину и мир в душе моей, что никаким словом-то выразить не могу.

И дальше:

– Что же Вы еще чувствуете?

Я отвечал:

– Необыкновенную сладость.

– Что же Вы еще чувствуете?

Я сказал:

– Необыкновенную радость в сердце моем.

И он продолжал:

– Когда Дух Божий приходит к человеку и осияет его полнотой своего наития, тогда душа человека преисполняется неизреченной радостью.

– Что же еще чувствуете Вы, Ваше Боголюбие?

Я отвечал:

– Теплоту необыкновенную.

Преподобный Серафим сказал:

– Состояние, в котором мы оба с Вами теперь находились, есть то, про которое сказал Господь: «Суть неции от здесь стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие пришедшее в силе», вот что значит быть в полноте Духа Святого.

Преподобный Серафим молился перед иконой Божией Матери «Умиление». И Владычица призвала его, наименовав высоким званием «сей из рода нашего»... Чувством умиления и радостного восторга так обильно наполнены и все пророческие слова преподобного:

«Небесная Царица, батюшка, – сказал он протоиерею Василию Садовскому, – Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима и во радость-то нам какая, батюшка. Мать-то Божия неизъяснимой благостию покрыла убогого Серафима.

“Любимиче мой, – рекла Препоблагословенная Владычица Пречистая Дева. – Проси от меня чего хощеши”. – Слышишь ли, батюшка, какую нам милость-то явила Царица Небесная».

И угодник Божий весь так сам и просветлел, так и сиял от восторга:

– А убогий-то Серафим, Серафим-то убогий и умолил Мать-то Божию о сиротах своих, батюшка. И просил, чтобы все, все в Серафимовской пустыне спаслись бы сироточки, батюшка. И обещала Мать Божия убогому Серафиму сию неизреченую радость, батюшка.

Мы читаем эти слова преподобного Серафима, и нам кажется, что мы слышим самый голос его, видим его живым пред собой. В белом полотняном балахоне, в кожаных рукавицах, в кожаных бахилах, поверх которых надеты лапти, в

поношенной камилавке, с крестом на шее, которым благословила его родная мать.

И самих нас охватывает чувство умиления и радости, что не только жил когда-то среди нас угодник Божий преподобный Серафим, но что и ныне он живет среди нас, слышит молитвы наши, утешает нас, исцеляет и вразумляет.

Будем же с чувством благоговения и молитвенной радости внимать его словам и читать о его великих подвигах, молитвах и чудесах.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Не может мир относиться безразлично к святости. То злое, что есть в мире, всегда восстает против духовного пути, наипаче когда этот путь достигает таких высот, как в жизни святых. Не представлял исключения и преподобный Серафим Саровский. Не для того, чтобы вызвать осуждение, а для того, чтобы во всей полноте уяснить себе его подвижнический путь, мы должны в начале наших бесед о преподобном Серафиме Саровском со скорбью сказать подробно о тех тяжелых условиях, в которых протекала его подвижническая жизнь. Это важно и для нашего назидания. Нам надлежит коснуться тех монастырских условий, в которых протекала жизнь преподобного Серафима, ибо, уйдя из мира, уйдя в монастырь, в пустыню, все-таки не убежал он дыхания мирского, проникающего и за монастырские стены. Как говорит

описатель жизни преподобного Серафима архимандрит Чичагов, ныне митрополит Серафим, «было бы несправедливо и исторически неверно, если бы мы промолчали о гонениях, которые претерпел отец Серафим».

Законы земли не могли измениться там, где жил такой великий и святой старец. Наоборот – враг человечества всегда возбуждает вражду окружающих против праведников с наибольшей силой.

Чем же соблазнились окружающие, видя подвиги преподобного Серафима? Что соблазняло их в его личности?

Многое. Начиная с его одежды. Одежда преподобного Серафима описывается так:

«В продолжение всего подвижничества отец Серафим постоянно носил одну и ту же убогую одежду: белый балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы, вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенная камилавка».

Вот вам и соблазн осуждения. Мы поклоняемся ему, как преподобному, а там, небось, говорили: почему не как все, зачем этот балахон, зачем эти бахилы, почему не одевается так, как отец Иван или отец Петр?

Некто вошел в церковь, дабы увидеть преподобного Серафима, а обедня еще не начиналась.

– И вот, – говорит он, – увидел я его, до ранней еще обедни придя в церковь: Серафим сидел на правом клиросе на полу. И братии казалось каким-то странным чудачеством: почему не как все, почему уселся на полу? И так до всего было дело

этому мирскому духу.

Когда преподобный Серафим удалился в пустыню, стали смущаться монахи мыслью: почему это он не ходит из своей пустыни причащаться в монастырь, хотя, как говорит описатель жизни, ни на минуту никто не сомневался, что он без вкушения Тела и Крови не оставался, т. к. кто-то, но тайно от других, приходил со Святыми Запасными Дарами и причащал преподобного. Но вот почему не так, как все, молится, почему не так, как все – подвизается, почему не ходит в монастырь причащаться из своей пустыни и затвора?

Собрали монастырский собор и постановили: предложить отцу Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами по-прежнему, в обитель по воскресным и праздничным дням для Причащения, или же если ноги не служат, то навсегда бы перешел жить в монастырь из пустыни. Когда первый раз принесший ему пищу послушник передал это постановление, Серафим ничего не сказал. Тогда было приказано вторично передать его преподобному Серафиму. И тогда преподобный Серафим молча последовал за послушником, исполнив смиренно требование братии. Но он пришел в монастырь после пятнадцати лет пребывания в пустыни для того, чтобы уйти в затвор. Ему продолжали приносить Причастие в келью. Преподобный Серафим жаждал уединения в лесу и потому испросил разрешения у игумена, чтобы ему было позволено из затвора, по мере надобности, уходить в ближнюю пустынь. И опять начался ропот среди братии:

в церковь не ходит причащаться, а в пустынь за две версты ходит. Дошло дело до епископа Тамбовского. Епископ прислал указ, чтобы преподобный Серафим ходил в Церковь для причащения Святых Таин. Ему говорили: ты всех учишь. Преподобный Серафим смиренно на это отвечал:

– Я следую учению Церкви, которая повелевает – не скрывай словес Божиих, но возвещай Его чудеса.

Другой осуждал: «Зачем он всех, кто к нему приходит, помазывает маслом из своей лампы?» Третий говорил: «Зачем ты в такое рубище одеваешься?» – И ему ответил преподобный Серафим:

«Иосаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию считал выше и дороже царской багряницы».

Но это все было ничто по сравнению с теми нападениями, которые пришлось пережить преподобному Серафиму из-за Дивеевских сестер. Описатель жизни говорит: «Вражда не оставляет человека в покое до самого гроба, поэтому преподобный Серафим во многих возбуждал злобу и зависть. Слова осуждения сказал ему на этот раз игумен Нифонт. Преподобный смиренно поклонился в ноги, но строго сказал игумену, что не подобает ему делать такие замечания. Произвели обыск.

«Раз пришло нас семь сестер, – говорит сестрица Ксения Кузьминишна, – к батюшке, работали у него целый день, устали и остались ночевать в пустыни. Часу эдак в десятом увидела наша старшая из окна, что идут по дороге с тремя

фонарями прямо к нам. Догадались мы, что это казначей Исаия, и поскорее навстречу, отперли мы дверь. Вошли они, не бранили ничего, оглядели нас, зорко и молча чего-то искали, и приказали нам тут же одеться и немедленно идти прочь».

Преподобный Серафим относился к этим нападкам, как и должен был относиться: с великим смирением, с великим терпением, но умел, когда это находил нужным, и дать надлежащее назидание. Не только так, как это сделал с Нифонтом, которому прямо сказал, что не надлежит ему делать таких замечаний, была и другая форма этих назиданий, она столь характерна для преподобного Серафима, что я позволю себе сделать большую выдержку, рассказав все это происшествие словами самой монахини Евпраксии, которая была действующим здесь лицом.

– То всем уже известно, – говорит монахиня Евпраксия, – как не любили саровцы за нас батюшку, даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много, много делая ему огорчений и скорби. А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся и часто сам, зная это, шутил над нами.

И далее передает одну из таких «шуток» преподобного Серафима:

«Пришла я однажды, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам ее с гробика-то поднял и говорит:

– Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся.

Что это, думаю, батюшка-то, всегда бывало сам посылает меня мимо конного двора, задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение да на скорбь святыми воротами посылает. А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот были. Саровские игумен и казначей с братией большой скорбели на батюшку, что все дает де нам, и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали.

Ослушаться батюшку я не смела и пошла сама не своя и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я это к воротам, читаю молитву, солдаты-то двое сейчас тут же меня за шиворот и арестовали.

– Иди, – говорят, – к игумену.

Я и молю-то их, и дрожу вся, не тут-то было.

– Иди, – говорят, да и только.

Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом, он был строгий, батюшку не любил, а нас еще пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все, а там – старые лапти, корочки сломанные, трубки да камни разные, и все-то крепко так упихано.

– Ах, Серафим, Серафим, – воскликнул Нифонт, – глядите-ко, вот ведь какой, сам-то мучается да и Дивеевских мучает, – и отпустил меня.

Так вот в другой раз пришла к батюшке, а он мне сум-

ку дает: ступай, говорит, прямо к святым воротам. – Пошла, остановили же меня и опять взяли и повели к игумену. Развязала суму, а в ней песок да камни. Игумен ахал-ахал, да отпустил меня. Прихожу, рассказываю я батюшке, а он и говорит мне:

– Ну, матушка, теперь в последний раз ходи и не бойся. Уже больше трогать вас не будут.

И воистину, бывало идешь, и в святых воротах только спросят:

– Чего несешь?

– Не знаю, кормилец, – ответишь им. – Батюшка послал. Тут же пропустят».

Когда преподобный Серафим жил в пустыни, это вызывало не только смущение мирское в смысле злых нападений на него, было и другое. – «Отче, – спросил инок, – говорят некоторые, что уединение от общежительства в пустыню есть фарисейство, что этим оказывается пренебрежение к братии или еще бросается на нее осуждение».

Преподобный Серафим ответил:

– Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества, это не из ненависти к нему, а больше для того, чтобы мы поняли, что носим на себе чин Ангельский, которому не место быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог.

И вот, с одной стороны, монастырь – с просачивающейся туда суетой мирской и с этими суетными вопросами: зачем

делаешь то и зачем делаешь это, зачем мажешь маслом, зачем носишь бахилы, зачем принимаешь сестер? А с другой стороны – Саровский лес, который и до сих пор ограждает от здешнего бесовского мира, великая пустыня, молчание, уединение и молитва.

Что оставил за собой преподобный Серафим, уйдя в Саровскую пустынь?

Он оставил хорошую благочестивую семью, оставил детские воспоминания, в которых такое место должно было занимать явление ему Божией Матери, исцелившей его болящего. Он оставил там и мать свою любимую, благочестивую. На всю-то жизнь запечатлелось у него, как она благословляла его тем медным крестом, который потом он всю свою жизнь носил поверх своего белого балахона.

Оставил он и путешествие свое в Киев, все там виденное и слышанное, что дало ему окончательный толчок и определило его жизненный путь. В сердце его запечатлелись так укреплявшие его слова старца, которые и мы да запечатлеем в своем сердце:

«Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение с помощью Господа. Тут скончаешься ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге через непрестанное призывание имени Божия так: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго”. – В этом да будет все твое внимание и обучение. Ходя, и сидя, и делая, в церкви стоя, везде, на всяком ме-

сте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём. С ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте».

Как исполнил завет сей преподобный Серафим, об этом свидетельствует вся его подвижническая святая жизнь.

Аминь.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В первой беседе нашей о преподобном Серафиме Саровском мы говорили, что особенно близким, особенно родным стал сей угодник Божий именно за последние годы, как будто бы снова душа русского народа открывает преподобного Серафима. Далее, во второй беседе нашей, мы говорили о тех трудностях, которые на пути своем встретил преподобный Серафим в условиях монастырской жизни, куда и за монастырские стены как бы просачивался тлетворный мирской дух.

Все время он, как живой, стоит перед нами, согбенный старец, с топориком, с сумой за спиной, в своих бахилах, в своем белом балахоне с медным крестом на груди. Но преподобный Серафим не всегда был старцем, он пришел в Саровскую пустыню юношей, послушником Прохором, двадцати лет.

Вот описание его внешности: высокий ростом, несмотря

на подвиги, полное, покрытое приятной белизной лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и проницательные, густые брови и светло-русые волосы.

Мы видим его смиренно совершающим подвижнический, послушнический путь – сначала в келлии устроителя монастыря, а потом, последовательно, в хлебне, в просфорне, в столярной. Впоследствии он несет послушание будильщиком.

В этих совершенно житейских хозяйственных условиях монастырской жизни он ведет себя так, как надлежало будущему подвижнику: с великим терпением, с великим смирением и с великим послушанием.

Современные послушники, которые удалялись в пустыню из ревности к исполнению обетов монашеских, с какой скорбью они говорят о трудностях духовной жизни при исполнении хозяйственных монастырских послушаний. Я помню, как один из таких пустынножителей говорил:

– Как только в монастырях заметят особую ревность в послушнике, то, точно назло, его посылают куда-нибудь в самое суетное место хозяйственных монастырских дел.

Да, труден путь послушания, но из жизни преподобного Серафима мы видим, что истинный подвижнический дух в послушнике всегда приведет к желанной цели. В этой первой главе жития преподобного Серафима мы видим, как закладывался фундамент в его духовной жизни. Раньше других он приходил в храм, он стоял в храме с великим внимани-

ем, очи опускал долу, чтобы не развлекаться внешними впечатлениями; последним уходил из храма, как бы все время стараясь еще задержаться, еще побыть там. Он не бежал поскорее из храма, на том или другом формальном основании. Нет, ему хотелось побыть здесь подольше. Преподобный Серафим нес с полным смирением все возлагаемые на него послушания. В то же время он испросил разрешение, чтобы в часы свободные ему разрешили уходить в лес для уединенной молитвы. В лесу он делал себе некую кущу и пребывал там в эти уединенные часы в полном одиночестве. Он постоянно читал творения святых отцов, пел псалмы, читал Слово Божие.

Преподобный Серафим всегда был в труде. Вы помните, как сказал игумен Нифонт:

– Ох, Серафим, Серафим, ты себя мучаешь и другим тоже покоя не даешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.